

ГУЛЯ МИРЗОЕВА:

Культура. — 2004. — 17 — 23 июня. — с. 18

Режиссера изнуряет большая охота за точным жестом

Отшумел фестивальный прибор "Кинотавра", розданы призы. Одних сделали счастливыми, другие вернутся домой, распакут чемоданы и всем скажут — несправедливо. В парижской квартире французского режиссера, члена международного жюри "Кинотавра" Гули МИРЗОЕВОЙ мы попробовали заглянуть в еще одну кинотайну, ответить на классический русский вопрос: а судьи кто?

— Справедливо ли, что пять-шесть уставших, переевших, недоспавших человек, называемых жюри фестиваля, выносят приговор и художнику, и его киночаду? И если они сказали "лента плохая", то ей экрана больше не видать?

— Все так, кроме слов "не видать". Сегодня создание фильма — очень дорогое и многотрудное удовольствие. Каждый автор, генератор идей, должен пробиться: придумать проект, найти соратников, все под них сто раз переработать. На это порою уходят годы, которых страшно жаль. Но так устроено европейское кинопроизводство. Деньги как бы "занимаются" из будущих показов. Такой оборот есть только у продюсерских и дистрибьюторских фирм, а там — и опыт, и чутье, и связи с прокатом. И очередь из авторов. Скажем, для фильма "Хроника певческой школы" я снимала многих оперных солистов почти год. Итог — 52 минуты чистого кино. Пока не было ясно, кто нашу идею "покупает", к производству мы и приступить не могли. Ну а номинации или призы — все это побрякушки, хотя, не спорю, приятные.

— Ваш фильм "Страсти по бароко" — о дирижере и его оркестре шел на фестивале в Биаррице в номинации "Лучший французский фильм года для телевидения". Предыдущая лента "Там, за лесом" — о стариках-музыкантах в турецкой деревне — получила массу призов на многих фестивалях. Следующий фильм вы будете снимать по заказу уже трех телеканалов. Означает ли это, что просто денег надо больше или что популярность режиссера Мирзоевой растет?

— Спросите, которая из матрешек важнее: та, что виднее и снаружи, или та, что поменьше, но внутри? Вначале была простая идея: давно, когда уехать из СССР считалось преступлением, я потеряла школьную подружку Эльвиру. Через тридцать лет еду искать ее. И нахожу не одну семью, а целый народ, который позвали в XVIII веке для освоения земель в Поволжье, а в XX веке погнали в вагоны для скотины в Казахстан, Среднюю Азию, где выбросили в степи. Позже тех, кто остался, насилу отпустили обратно в Германию. Уезжали двести лет назад домовитые немецкие крестьяне со скарбом и страстью к традициям, вернулись обрусевшие нищие колхозники, в основном со страстью к водке. Так из истории одной детской дружбы получилась история, заинтересовавшая телевидение нескольких стран. А насчет популярности... Она ведь как окружающий тебя забор: где-то подходит ближе, где-то отступает дальше, а внутри все равно строишь свой дом с тысячами выступов, вмятин, и надо жить собственной жи-

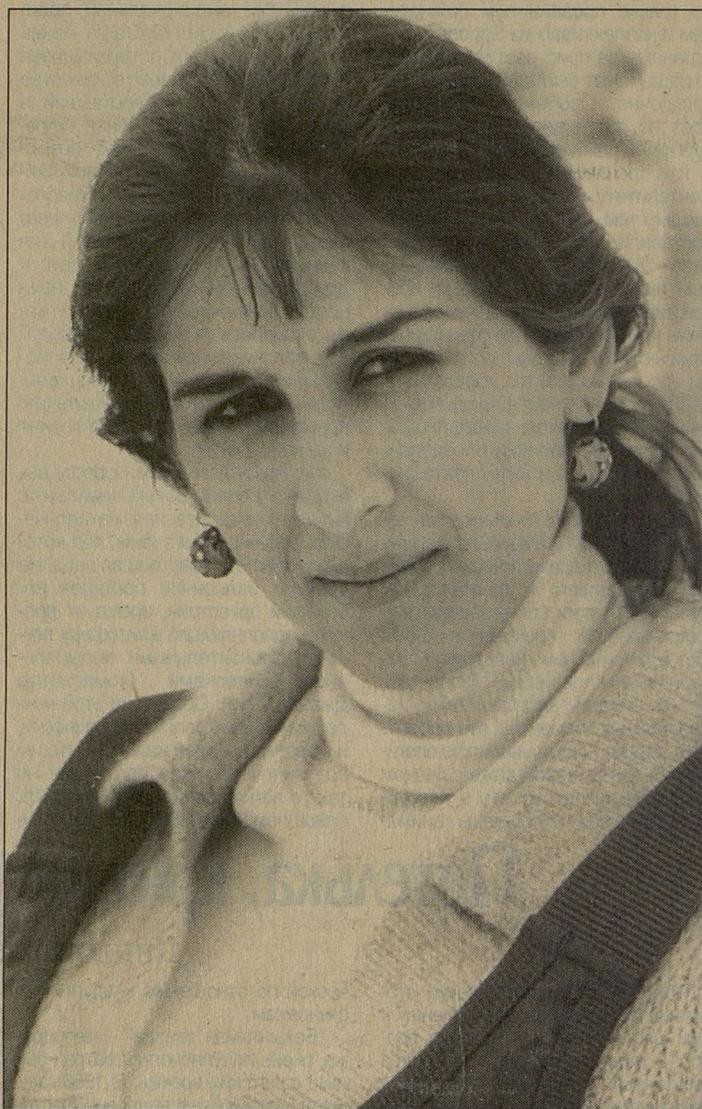

Фото из архива Г. Мирзоевой

знию, иногда из последних сил.

— И как складывается жизнь известного человека? Ведь вам было чуть больше двадцати, когда журнал "Советская женщина" поместил на обложке портрет первой поэтессы-таджички, пишущей на русском языке. А теперь вы и вовсе живете в Париже. Ваше творчество отмечено во Франции, Германии, Голландии, Греции, Турции, а также в Бразилии, Канаде. Триумфальное шествие?

— Похоже. Если не вникать в детали. На самом деле считать Париж райским уголком — большая иллюзия. Жизнь во Франции в социальном плане стремительно ужесточается, особенно тяжело культуре. Если я осознаю, что между фильмами приходится печь пирожки на продажу, давать уроки языка и ухаживать за больными, мне поверят? Почти как у Маяковского: попашу, потом напишу стихи. Глобализация ли виновата или плохие политики, но от этих милых "творческих впечатлений" иногда кажется, что дальше сил нет. Войны, "бархатные" революции продолжают ломать жизнь людей. В действительности я родилась в таджикской семье, и, наверное, у нас была бы традиционная семья, если бы не "век-волкодав". Мой отец остался без родни в Первую гражданскую, рос в русском детдоме. Он даже нас, детей, при переписи населения записал русскими, что кончилось скандалом. И няня "Арина Родионовна" у меня была. Это она приоткрыла мне щелку в православие, к которому меня много позже вынесла моя взрос-

лая жизнь, как к спасительному берегу. Русские книги всегда окружали дома, а потом ожили в буквальном смысле, когда их авторы оказались моими преподавателями в Литинституте в Москве. Таджикский язык я начинала учить в душанбинском дворе, играя в футбол с мальчишками. Французский стал языком моих теперешних стихов и фильмов, а также родным языком маленького сына Самозеля, да и взрослой уже дочке Саиды, студентки Сорбонны. И казалось, что жизнь способна наладиться. Ничего подобного. Война опять догнала мою семью, и тогда я сняла фильм о возвращении.

— "Возвращение в Душанбе" был показан по телевидению, получил приз жюри Фестиваля исторического кино. И если вспомнить, что за десять лет до него вы сделали потрясающую по глубине и трогательности картину "Шабат" про бухарских стариков, переселяющихся в Израиль, а предстоящая киноистория немецкой девочки опять приведет в Среднюю Азию, не подумываете ли вы туда вернуться?

— Нет, не думаю... Вернуться вообще никуда невозможно. Хотя я нигде больше не встречаю той теплоты, "родственности", по которой тоскую. А среди таджиков сердечность по-прежнему живет. Я безумно рада, что исламисты не победили, что ментальность людей меняется, но религия не диктует законы молодым. Они всерьез учатся, говорят нередко на трех языках, женщины свободны. Раньше у меня не было чувства Родины, в молодости мы называли се-

бя "дети мира". Однажды Чингиз Айтматов, приехавший на Съезд советских писателей с киргизской делегацией, услышав, что я пишу по-русски, посочувствовал: "Бедная девочка!" Полагаю, он думал не обо мне, а о чем-то очень сокровенном. А сейчас, когда я переживаю психологически сложный период, я стала больше нуждаться в моем прошлом. У таджиков есть поговорка: человека тянет туда, где пролилась кровь его повинны. Я вдруг опять обрела маму. Как хорошо с мамой пить чай на кухне и перебирать четки нашей непростой жизни!

— Может быть, имеет смысл вернуться в Россию, где жизнь тоже сильно изменилась, есть большие деньги, можно найти спонсоров, кто-то из друзей выбился в начальство?

— У меня нет желания переезжать. Дом моих детей — в Париже. Хотя иной раз и рвусь душой к старым друзьям вспомнить юность... Но в Москве, которая мне внутренне так всегда была важна, я не смогла бы жить. У меня другого цвета голова! Мне дали это понять, однажды даже старушки погнали из церкви: я — пресловутое "лицо кавказской национальности". Чего совершенно не чувствую во Франции. И потом, в Париже тебя не оценивают исключительно как женщину, как употребляемую вещь. Талант нужен, а это значит — точное знание. Не суета, а движение. А для меня движение неразрывно с одной моей страстью — кино. Оно и есть мой Дом, в который хочется постоянно возвращаться.

— Неужели на французов, которые так много говорят о любви, уже перестали действовать женские чары? Если вы ими никогда не пользуетесь, в чем же секрет успеха?

— Какие чары?! Пока ищешь деньги на проект, полезны гладиаторские навыки и долготерпение. Потом съемочная площадка — это вообще лошадиная работа. Если тебя не уважают, то не подчиняются. Если ты не подготовлен, нерешителен, в растерянности... Кто слышал о такой профессии "режиссерша" или "операторша"? Режиссер на съемках — монстр, он вечно требует невозможного. Документальное кино — изнуряющее дело: постоянная охота за точным жестом, за глазами, за ясным словом. Но вот парадокс: если я не люблю моего героя, не поняла его дела до мельчайших деталей, он не станет открываться. Люди опасаются за свои чувства, едва включается камера. Может быть, мне кое-что удастся именно потому, что я научилась по-женски подходить к моим избранникам, с нежностью.

— Если бы вам сказали: выбери себе награду сама — что бы вы предпочли? Отпуск на Канарских островах? Миллион в конверте?

— Пусть будет миллион. Чтобы начать съемки нового фильма, большого игрового кино. После работы в "Лунном папе" Бахтияра Худойназарова я точно знаю как... Я сниму про страшный детдом, про сладкую детскую месть и горькое отцовское раскаяние, про наши советские сказочки и то, что из них вышло. Но это все, конечно, чуть позже, когда отосплюсь от "Кинотавра". Судить справедливо, как ни крути, — вещь утомительная.